

Чжоу Юньчуань почувствовал себя неловко под взглядом Чэн Кэ, но ничего не мог поделать и продолжил:

— Чэн Кэ, это первое, а есть еще второе, и оно касается тебя лично. Ты ведь собираешься войти в шоу-бизнес. Хотя для актера не требуется особого бэкграунда, если кто-то захочет найти повод для нападок, эта история может легко стать оружием против тебя. Ты, не достигший совершеннолетия, конфликтует с младшим братом, и это дошло до суда. Если твой брат подаст на тебя в суд, у тебя будет много козырей, но если ты подашь на него, еще несовершеннолетнего, как ты думаешь, куда повернется общественное мнение? Тебя будут считать мелочным, черствым и жестоким человеком, готовым ради наследства преследовать собственного брата. Разве не так? Кроме того, разве ты не думаешь, что другие наказания могут оказаться более эффективными? Например, сделать его изгоем в школе?

Чжоу Юньчуань говорил искренне, и он действительно так думал. Сначала он считал, что Чэн Кэ просто пугает Чэн Цзыюэ, но не ожидал, что тот действительно собирается подать на него в суд. Впоследствии эта история, как и предупреждал Чжоу Юньчуань, могла быть легко использована против него.

Заметив, что взгляд Чэн Кэ стал немного мягче, Чжоу Юньчуань продолжил:

— Чэн Кэ, ты можешь делать с братом что угодно в школе, но ради собственного будущего, действительно лучше не доводить дело до такого серьезного уровня.

Чэн Кэ некоторое время молчал, а затем, наконец, улыбнулся и сказал Чжоу Юньчуаню и Чжан Иханю:

— Вы заботитесь обо мне, спасибо, я понял. Я был глуп, простите.

Чжан Ихань и Чжоу Юньчуань слегка вздохнули с облегчением. Взгляд этого маленького капризули явно изменился, и, наконец, он понял, что к чему.

Чжан Ихань сел рядом с Чэн Кэ, обнял его за плечи и сказал:

— Сяо Кэ, ты еще молод, и мы с Чжоу очень тебя любим. Мы просто хотели предупредить тебя, но как поступать — это твое дело, мы не собираемся тебя заставлять.

— Я знаю, режиссёр Чжан.

— Тогда что это было за поведение? Если бы Чжоу Юньчуань не объяснил тебе, что бы ты сделал? Собирался поссориться с нами? Ты, маленький негодник, как ты можешь быть таким неразумным? Если бы мы с Чжоу Юньчуанем решили тебя проучить, как ты думаешь, сколько людей в этом кругу еще согласились бы снимать тебя? Ты уже взрослый, как у тебя может не быть совести?

Чэн Кэ действительно понял, что вел себя неправильно. Чжан Ихань был не так важен, но когда он подумал, что Чжоу Юньчуань тоже хотел, чтобы он остановился, его сердце не могло успокоиться. Ему всегда казалось, что его отношения с Чжоу Юньчуанем ближе, как он тогда сказал, Цзян Хао был его другом, но Чжоу Юньчуань был ближе, чем друг.

Чэн Кэ не знал, что означала эта близость, но он действительно не мог смириться с тем, что Чжоу Юньчуань отодвинул его на дальний план.

Встав, он глубоко поклонился и сказал:

— Простите, наверное, я просто избаловался.

Чжан Ихань фыркнул, ткнул пальцем Чэн Кэ и сказал:

— Да, ты избаловался. Но, Сяо Кэ, шоу-бизнес — это не так просто, как ты думаешь. И я не хвастаюсь, но 80% людей в моей съемочной группе добрые и честные. В других группах все иначе. Со мной ты можешь позволить себе такое поведение, но в других группах так делать нельзя.

— Угу, я понял.

Чжан Ихань рассмеялся, а Чжоу Юньчуань, глядя на Чэн Кэ, почувствовал себя немного легче. Вдруг Чэн Кэ спросил:

— Господин Чжоу, ты что, обижаешься на меня?

Чжоу Юньчуань опешил:

— А?

— В прошлый раз ты сказал, что сейчас занят, но по логике ты всегда занят. Во время съемок ты должен быть еще более занятым, но тогда у тебя было время для меня. Почему сейчас, когда постпродакшн почти закончен, а реклама еще не началась, у тебя стало еще меньше времени?

Чжоу Юньчуань: ...

Чжан Ихань тоже посмотрел на Чжоу Юньчуаня и сказал:

— Позавчера ты звонил мне и говорил, что тебе нечего делать, что ты скучаешь до смерти.

Чэн Кэ не отрываясь смотрел на Чжоу Юньчуаня, а Чжан Ихань наблюдал за происходящим с интересом.

Чжоу Юньчуань тоже посмотрел на Чэн Кэ. За время разлуки его красивые черты лица стали еще более изысканными, и он как будто повзрослел. Раньше в нем была некоторая детскость, а теперь он излучал непреодолимое обаяние.

Это было просто убийственно. Чжоу Юньчуань приложил руку ко лбу. Если бы Чэн Кэ продолжал смотреть на него так, он боялся, что не сможет сдержать свои чувства.

— Эм... Я боялся отвлекать тебя от учебы.

— Ты никогда не отвлекал меня. Когда ты приходишь ко мне, я радуюсь, и потом учусь еще лучше.

Чжоу Юньчуань, услышав слова Чэн Кэ, сразу же спрятал свои «великие» мысли. Ладно, Сяо Кэ сейчас в выпускном классе, в будущем я буду чаще навещать его, все ради его учебы!

— Хорошо, в будущем я буду часто навещать тебя.

Чэн Кэ улыбнулся:

— Хорошо.

После ужина Чэн Кэ позвонил своему адвокату. Тот сказал, что они обязательно выиграют дело, но Чэн Цзыюэ не понесет реальных потерь, и уж тем более не окажется в тюрьме. Поэтому, если это может повлиять на будущее Чэн Кэ, лучше урегулировать дело мирно.

Чэн Кэ сразу же отозвал иск. Однако он не собирался на этом останавливаться. Он хотел, чтобы наказание для Чэн Цзыюэ было долгосрочным, а не просто болезненным ударом. Поэтому вечером, вернувшись домой, он попросил Цзян Хао собрать Чэн Цзыюэ, Чэн Чжилиня и Чжао Чжиман в гостиной.

Цзян Хао стоял за спиной Чэн Кэ. Он был высоким и крепким, поэтому выглядел как телохранитель Чэн Кэ. Изначально Чэн Кэ хотел, чтобы Цзян Хао вернулся в свою комнату, но тот отказался, так как узнал о том, что Чэн Чжилинь хотел ударить его указкой.

Цзян Хао прямо при Чэн Чжилине сказал:

— Нет, я останусь с тобой, иначе тебя снова могут ударить указкой. Я обещал твоему деду, что буду защищать тебя.

Чэн Кэ вздохнул и позволил ему остаться. Лицо Чэн Чжилиня стало мрачным.

Чэн Кэ, естественно, не обращал внимания на выражение лица Чэн Чжилиня. Он прямо обратился к Чэн Цзыюэ:

— Чэн Цзыюэ, я могу отозвать иск, но завтра утром на линейке ты должен извиниться передо мной перед всеми учениками и учителями.

Чэн Цзыюэ резко встал:

— Не может быть!

Чжао Чжиман и Чэн Чжилинь подумали и решили, что это лучше, чем судебный процесс. Кроме того, адвокат, которого нанял Чэн Кэ, был очень сильным. Чэн Чжилинь узнал, что он никогда не проигрывает дела, поэтому в случае суда Чэн Цзыюэ точно проиграет, а Чэн Кэ может потребовать любую сумму компенсации за моральный ущерб, что сделает ситуацию еще хуже.

Чэн Цзыюэ только что закончил говорить, как Чэн Чжилинь резко ударил его ногой по ногам и строго сказал:

— Я еще жив, и пока я не сказал, ты не имеешь права говорить!

Затем Чэн Чжилинь повернулся к Чэн Кэ и продолжил:

— Ладно, отзовешь иск.

— Но сначала он должен извиниться передо мной перед всеми, иначе, если я отзову иск, а он не извинится, я окажусь в проигрыше.

Чэн Чжилинь повернулся к Чэн Цзыюэ и грозно посмотрел на него:

— Ты хочешь сесть в тюрьму или извиниться? Выбирай.

Чэн Цзыюэ, получив удар от Чэн Чжилиня, едва устоял на ногах и чуть не упал. Теперь, снова встав, он не осмеливался сесть. Внутри него бушевал гнев, но он не мог его выразить. Однако к

Чэн Чжилиню и Чэн Кэ он испытывал настоящую ненависть.

— Говори!

Чэн Цзыюэ робко произнес:

— Хорошо, завтра я извинюсь.

— Хорошо, помни, что извинение должно быть искренним. Если я почувствую, что ты формально извиняешься, то жди суда через неделю.

Чэн Цзыюэ не осмеливался поднять голову, боясь, что его ненависть станет заметна. Он только кивнул и промолчал.

— Хорошо, в таком случае, желаю вам спокойной ночи.

Сказав это, Чэн Кэ и Цзян Хао поднялись наверх и ушли, оставив семью в недовольстве.

Примечание автора: Чэн Кэ как следует прочит Чэн Цзыюэ, наказание последует в следующей главе.

Автор хочет сказать: В ближайшее время маленький Чэн Кэ превратится в соблазнительного «укэ» [пассивного партнера], да, незаметная, но мощная чувственность. Маленькому Чжоу придется несладко, хахахаха.

<http://bllate.org/book/16558/1511211>